

Дискурсивный анализ в лингвистических экспертизах

Статья посвящена оптимизации исследований в новой области прикладной лингвистики — лингвистической криминологии. Автор предлагает оригинальную систему проведения лингвистических экспертиз разного типа с использованием многоаспектного антропоцентрического дискурсивного анализа.

Ключевые слова: антропоцентрическая лингвистика, прикладная когнитивная лингвистика, дискурсивный анализ, лингвистическая криминалистика.

Лингвистическая криминология — одно из новейших направлений прикладной лингвистики, нацеленной на разработку методов оптимизации языка в обществе [2: 7]. До недавнего времени филологические знания использовались в судебных институтах преимущественно для проведения почерковедческих и автороведческих экспертиз, несколько позднее лингвистов стали привлекать для проведения фоноскопических исследований, которые до этого были предметом деятельности инженеров-акустиков. И лишь два-три года назад в нашей стране появилась официальная профессия лингвист-эксперт. Формирование сути этой профессии было обусловлено антропоцентрической переориентацией лингвистики в целом и — соответственно — лингвистики прикладной, переосмыслением принципов моделирования языка. В методологии языкознания антропоцентризм проявился "как сверхсистемное прогнозирующее моделирование лингвального включения человека в материальную и идеальную реальность, последовательное изучение наблюдаемых языковых фактов как антропных проекций надсубъектных закономерностей" [5: 73].

Это означает, что, исходя — как этого требует любое научное описание — из понятия системы, современный лингвист в качестве системообразующего признака использует не знак, не алгоритм построения высказывания, а *Homo loquens* ("Человека говорящего") с "его историей, его ситуацией, его свободой и даже тем сопротивлением, которая природа оказывает его разуму" [4: 255].

Лингвистическая криминология, наряду с психолингвистикой, афазиологией, компьютерной лингвистикой занимается совершенствованием когнитивной функции языка, которая связана с человеческим разумом и мышлением, особенностями интерпретации, познания мира языковой личностью [16: 58]. Следовательно, проведение лингвистических экспертиз — идентификация, диагностика или паспортизация личности, выявление речевого воздействия на пострадавшего или подсудимого, подследственного, психолингвистическая оценка процесса создания и возможностей интерпретации текста — должно основываться на комплексном анализе всех уровней объективации языкового существования человека.

Идея многоуровневого антропоцентрического, а не сигноцентрического подхода к лингвистическим экспертизам сформировалась на переломе тысячелетий и не получила еще достаточной практической разработки.

Российские языковеды (прежде всего, тут следует назвать известного специалиста в области прикладной фонетики и речевых технологий Л. В. Златоустову [12: 406]) принимают в качестве

исходной концепцию Ю. Н. Караулова о наличии в структуре языковой личности как универсальных, групповых, так и индивидуальных слоев [13].

В Украине исследования возможностей синтетического проведения лингвистических экспертиз были начаты автором данных строк [см.: 7–8].

В основе рассуждений и последующей разработки конкретных экспертных приемов лежит оригинальная теория о биосоциокогнитивной природе человека, выявляющей себя в энергеальном дискурсе [см.: 4], и пятилетний практический опыт работы лингвистом-экспертом.

Предметом данной статьи стало изложение принципов использования синтетической модели дискурсного анализа в экспертной деятельности, что, как представляется, позволит перевести лингвокриминалистику на новый этап, повысить эффективность лингвистических экспертиз.

Как известно, термин *дискурс* имеет более десятка толкований, особенно значимы различия между французской и американской школами дискурсивного анализа [см.: 14; 15: 126–139; 18: 225–290; 20; 21]. В последние годы и в Украине появилось много работ по изучению дискурса в самых разных аспектах (назовем хотя бы исследования Е. Кусько, Е. Селивановой, М. Полюжина, Е. Серажим, Г. Яворской). Однако при всем разнообразии подходов подразумевается, что дискурс — это не мертвый, заданный текст, а высказывание, разворачивающееся во времени и пространстве. Причем и пространство, и время здесь охватывают как систему самого дискурса, конкретную ситуацию его создания, так и культурно-историческую надсистему (дискурсную формацию), в которую данный дискурс включается как системная единица.

Связующим звеном между системой *здесь* — *сейчас* и дискурсной формацией выступает конкретная языковая личность.

Таким образом возникает трихотомия предмета изучения. И для оптимизации когнитивной функции необходимо учитывать каждую сферу: *пространство-время* дискурса, *пространство-время* дискурсной формации, *многомерность* человека (автора, исполнителя, интерпретатора).

В первом случае представляется необходимым рассматривать систему следующих факторов:

- социальный тип ситуации (официальное, непринужденное, публичное и пр. общение);
- физические параметры ситуации (темно — светло, душно — холодно, просторно — тесно);
- отношения между говорящим / пишущим и адресатом (снизу вверх, сверху вниз, на равных);
- проксемику и кинесику коммуникации (расстояние между коммуникантами, их расположение по отношению друг к другу);
- психологический тип речи (спонтанная, неспонтанная; продуктивная, репродуктивная; эгоцентрическая, апеллятивная, толерантная);
- привычность кода (родной или неродной язык, известный / неизвестный функциональный стиль);
- расположение дискурса в пространственно-временных координатах (протекающий только во времени — устный; охватывающий и пространство, и время — письменный);
- канал связи (только слуховой, слуховой и визуальный, слуховой, визуальный и тактильный, только визуальный и т. д.);
- использование коммуникативных вспомогательных средств (телефон — при этом важен тип телефона: мобильный, сотовый, автомат, домашний, соседский и т. д.; компьютер, ручка, бумага, вырезанные из газеты слова и пр.).

Каждый из этих факторов способен радикально изменить параметры высказывания. Воздействие некоторых из них достаточно хорошо изучено лингвистикой, хотя полученные результаты не находят еще широкого применения в криминалистике.

Так, например, экспериментально установлено, что в спонтанной речи на интонационные характеристики синтагмы влияет степень стереотипности фрагмента, его связанность с актуальным сознанием говорящего, в связи с чем, в частности, отмечена однотипность мелодики спонтанных монологов в совершенно различных языках, сдвиг синтагматических границ "вправо". В процессе чтения изменения динамико-мелодических характеристик зависят от знаков препинания и наличия слов с оценочной семантикой [3].

Таким образом, спонтанный дискурс психологически и акустически принципиально иное явление по сравнению с читаемым текстом. Однако, как показывает практика, при необходимости провести идентификацию голоса следователь в качестве образца голоса подозреваемого берет именно чтение или рассказ автобиографии — стереотипное стандартное повествование.

Если же к этому прибавить, что следователь, не будучи вообще осведомлённым в параметрах ситуации говорения, для сопоставления предлагает фрагменты с разными социальными, физическими и когнитивными условиями создания, легко понять, почему все усилия, которые направляются на усовершенствование алгоритмов оценки большого количества идентификационных признаков говорящего, часто оказываются напрасными.

Впрочем, даже учет всех особенностей создания конкретного дискурса принесёт мало пользы без анализа дискурсивной формации и системы языковой личности, а также выявления средств объективации указанных параметров, то есть установления необходимого и достаточного материала для проведения прикладных исследований.

Понятие дискурсивной формации, как и другие основные понятия современного французского дискурсивного анализа, были разработаны Мишелем Пешё [14]. Заимствовав из работы Мишеля Фуко "Археология знания" сам термин "дискурсивная формация", Пешё соотносит его с понятиями "общественная формация", "идеологическая формация". Дискурсивная формация, таким образом, целиком определяется историческими условиями и коллективным бессознательным.

Ещё древний Гераклит утверждал, что глупые люди живут и говорят так, как будто у них есть особенный рассудок, но всеми ими руководит единый закон — Логос [19]. Это, на первый взгляд, далекое от современной лингвистики утверждение нашло экспериментальное подтверждение. На порождение дискурса в большей степени, чем ситуация коммуникации, чем произвольные желания субъекта, влияет ментальность — общепринятые стереотипы речевого поведения [4].

Дискурсивная формация — это то, что может и должно быть сказано в определённой ситуации общения в определённую историческую эпоху в определённой социальной и культурной среде. Смысл рождается по мере разворачивания высказывания, и дискурсивная формация образует матрицу этого смысла. Эта матрица диктует специфические ограничения, выбор доминанты, создает базу из уже кем-то высказанных суждений, мнений, т. н. прекоинструкт. Это комбинация языковых элементов, уже созданных в прошлых дискурсах, с которой для субъекта связан эффект очевидности. Таким образом, дискурсивная формация разворачивается в пространстве интердискурса — коммуникативного, нарративного опыта, системы очевидных истин. Интердискурс устанавливает отношения господства, подчинения и противоречия тем, информации, слов, то, о чем можно говорить и о чем нужно молчать (из соображений приличия или очевидности).

Основное внимание французская система анализа уделяет историко-культурным факторам, определяющим речевую деятельность индивидуума. Но в последние годы в лингвистике разработана теория, в соответствии с которой пространство интердискурса включает в себя и этнические "фильмы мира", давление среды, социального пола, возраста [4].

В результате рождающийся дискурс напоминает "слоёный пирог": в нём есть слои, характерные для того или иного этноса, определенного уровня развития культуры, определённой социальной, гендерной или возрастной группы.

С учетом того, что исторический фактор при проведении лингвистических экспертиз относительно нерелевантен, мы проводим анализ на синхронном срезе, нами было предложено выделять следующие факторы дискурсивной формации [6:85–86].

— Культурная оснащённость: уровень развития и степень доступности техники, состояние истории, литературы и искусства в обществе, степень доступности их произведений, господствующие идеи в обществе, массовая культура.

— Этнокультурная психофизиологическая настроенность, артикуляционная база, то есть то привычное положение тела, органов речи, выражение лица, которые диктуются правилами данного социума (у украинцев, например, напряжённость артикуляционных органов при разговоре выше, чем у русских); конечно, при высокой степени лингвистической подготовки говорящий может регулировать влияние этого фактора, однако в эмоциональных ситуациях это обычно не срабатывает.

— Лингвоментальное позиционирование — варианты когнитивных позиций в процессе коммуникации. Среди них можно выделить:

- а) оппозицию "Я — другой (культура — слушающий)". Для европейской ментальности, например, характерна релятивная толерантность, для русской — апеллативный эгоцентризм;
- б) степень вербализации рефлексивности, обнаружения кода упорядочения сознания, которая различна в различных этнокультурах; в некоторых культурах, например, молчание — проявление уважения к собеседнику, у нас же, — если молчание знаково, а не симптоматично, то есть не связано с психофизиологическим состоянием человека, оно воспринимается как нарушение норм [1:417–437]; в восточной традиции рефлексивность сочетается с требованием использовать в коммуникации только готовые стереотипы, прекопункты; в европейских дискурсах обнаруживается разграничение социализированной, стереотипной речи и личностно окрашенной в неформальных ситуациях;
- в) культурные границы взаимопонимания. Этот параметр определяет интердискурсивность, то есть включённость в собственный дискурс прецедентных текстов, "чужих речений". Интересно, что, вероятно, билингвы могут утратить историческую перспективу одного из языков, отождествляя код и прекопункт.

— Фокусировка сознания на одной из онтологических категорий "вещи", "свойства" или "отношения". Русские чаще акцентируют безотносительную типизацию "вещей" и безотносительную оценку, а для украинцев важнее расположение **по отношению к другим предметам**, выяснение материала изготовления, расцветки и т. д. Для представителей и одного, и другого этносов характерно тяготение к безличным конструкциям.

К этой стратегии можно отнести принцип акциональной когнитивной конденсации, принцип разграничивания сущностей (то, что В. фон Гумбольдт называл внутренней формой языка): например, большое количество оценочной лексики у русских, противопоставленность украинских *любити* — *кохати*, *отримати* — *одержати* (при русских *любить*, *получить*) и т. п. При переходе на иной код в дискурсе проявляется стремление разделить сущности или объединить их, как это наблюдается в родном языке. Отсюда возникают многочисленные случаи лексической сверхдифференциации или недодифференциации.

— Отбор эпизодов, дискурсивных слов, потокообразующих стереотипов. Исследования американских лингвистов в области контрастивной риторики показали, что представители различных этносов даже при блестящем владении английским языком всегда сохраняют родную логику разворачивания дискурса, стандартную логическую связь между абзацами [22: 16]. Союзы, дискурсивные слова (*ведь, даже*), потокообразующие стереотипы (*вообще-то, ну конечно, так сказать, как бы*) также относятся к самым глубинным, мало контролируемым слоям сознания. Поэтому в иноязычных дискурсах они часто сохраняются в варианте того кода, которым информант лучше владеет.

Таким образом, оказывается, что на реальное речевое поведение человека воздействует во многом не зависящая от индивидуального сознания, воспринимаемая на уровне подсознания система дискурсивного пространства и времени.

Вместе с тем, на организацию дискурса воздействуют нейрофизиологические особенности индивидуума. Л. В. Златоустова выделяет следующие индивидуальные факторы, которые воздействуют на фонетические характеристики речи: "темперамент, реактивность-нереактивность, память, внимание, а также особенности строения черепа, что определяет форму речевого тракта, а также физиологические параметры голосовых связок" [12: 406].

Мы рассматриваем проблемы лингвистической диагностики более широко, а поэтому с когнитивных позиций полагаем необходимым включить в набор индивидуальных признаков левополушарную / правополушарную и психологическую акцентуацию личности, выявляемые в речи [10; 17], а также возникающую под влиянием многих надсубъективных факторов степень личностной логос-активности (активности использования вербализации в когнитивных процессах) и языковой рефлексии, которая хотя и определяется дискурсивной формацией и типом ситуации, колеблется от нуля до высших форм осознанной **имитации** дискурса.

Акцентуации личности проявляются прежде всего в тактиках дискурса.

К ним — с известной долей огрублённости — можно отнести: а) референциальный выбор; б) дробность синтагматического членения, паузацию и способы синтагматической развёртки (порядок слов, челночные повторы, обеспечение референционной связности); в) осознанное подчёркивание прецедентных текстов; г) ироническое интонирование.

Основное различие между стратегиями и тактиками в том, что тактикам можно научиться, а стратегии — только почувствовать, понять и принять. Осознанно воспринятая при интроспекции стратегия становится тактикой и при этом всегда более ярко выражена, чем воспитанная с детства.

Для современного лингвиста-диагноста нельзя просто констатировать наличие "бранных слов, афункциональной и незначительной лексики, слов-паразитов", как это делается в стандартных экспертизах. При установлении личности все параметры дискурса функциональны. Как показал опыт проведения экспертиз с использованием выше предложенной схемы, инвективы, например, могут свидетельствовать об эпилептоидной или правополушарной акцентуации, а вовсе не об уровне образованности. Парадигматический выбор именно дискурсных слов (которые раньше — при ориентации на нормы письменного текста — называли "паразитами") может определить степень апеллативности личности, его социальный статус. Отказ подозреваемого отвечать на вопросы, выдвигаемые в судебном процессе обвинения в адрес следователя, который якобы применял на допросе психологические методы давления, — всё это может быть вызвано возбудимостью личности подозреваемого, к которому следователь приближался, нарушая так называемую буферную зону (то расстояние, на которое к человеку может приближаться собеседник, не вызывая при этом неприятного чувства).

Величина буферной зоны определяется этнокультурными традициями, отношениями между собеседниками, социальными условиями общения, а также уровнем возбудимости и агрессивности субъекта. У возбудимых личностей буферная зона ненормативно большая — около двух метров. Это значит, что при попытке следователя приблизиться к подозреваемому на нормальное, общепринятое в данном обществе, расстояние возможна непредсказуемая агрессивная или заторможенная реакция, значительное искажение речевых характеристик.

Пытаясь, таким образом, интерпретировать конкретное устное или письменное высказывание, необходимо всегда соотносить ситуацию порождения дискурса с возможностями дискурсной формации и психофизиологическими особенностями субъекта.

Только тогда можно каким-то образом реконструировать языковую личность и определить ее тождественность с подозреваемым, выделить гештальт различительных признаков, прогнозировать степень внушаемости или — наоборот — апеллативности, агрессивности индивидуума.

Перспективным в дальнейшем считаем подробное изучение значимости каждого из дискурсных параметров при проведении лингвистических экспертиз разного типа. Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить дискурсивной связности реплик диалога, письменных текстов при переписке между двумя коммуникантами

1. Арутюнова Н. Д. Феномен молчания // *Язык о языке* / Под ред. Н. Д. Арутюновой. — М., 2000.
2. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. — М., 2000.
3. Бардина Н. В. Синтагма в русской спонтанной монологической речи (экспериментально-фонетическое исследование). Автореф. ... канд. дис. — Одесса, 1984.
4. Бардина Н. В. Языковая гармонизация сознания. — Одесса, 1997.
5. Бардина Н. В. Антропоцентризм как постулат и параметр языкового моделирования // *Антропоцентричний підхід у дослідженні мови*. — Ніжин - Гродно, 1998.
6. Бардина Н. В. Когнитивные стратегии дискурса в "русском языковом фильме мира" // *Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы международного конгресса*. — М., 2001.
7. Бардина Н. В. Системный антропоцентрический подход к проведению лингвистических экспертиз // *Теорія та практика судової експертизи і криміналістики. Збірник матеріалів міжнародної науково-практичної конференції*. М. — Харків, 19–20 червня 2002 р. — Харків: Право, 2002. — Вип. 2.
8. Бардина Н. В. Проблема системности дискурсивного анализа в лингвистических идентификационных экспертизах устной речи // *Роль и значение деятельности профессора Р. С. Белкина в становлении и развитии современной криминалистики: Материалы международной научной конференции*. — М., 2002.
9. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М., 1989.
10. Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики. — М., 2000.
11. Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. Изд. 3-е. — М., 1977.
12. Златоустова Л. В. Универсальное, групповое и индивидуальное в речи (лингвокриминалистический аспект) // *Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы международного конгресса*. — М., 2001.
13. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987.
14. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. — М., 1999.
15. Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // *Вопросы языкознания*. — 1994. — № 5.
16. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. — М., 1996.
17. Леонгард К. Акцентуированные личности. — К., 1981.

18. *Пешё М.* Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. — М., 1999.
19. *Фрагменты* ранних греческих философов. — Ч. 1. — М., 1989.
20. *Фундаментальные* направления современной лингвистики. Сборник обзоров. — М., 1997.
21. *Chafe W.* Discourse, consciousness, and time. — Chicago-London, 1994.
22. *Connor U.* Cross-cultural aspects of second-language writing. — Cambridge, 1997.

Н. В. Бардіна

ДИСКУРСИВНИЙ АНАЛІЗ У ЛІНГВІСТИЧНИХ ЕКСПЕРТИЗАХ

Статтю присвячено оптимізації досліджень у новій царині прикладної лінгвістики — лінгвістичної кримінології. Автор пропонує оригінальну систему проведення лінгвістичних експертиз різного типу з використанням багатоаспектного антропоцентричного дискурсивного аналізу.

Ключові слова: антропоцентрична лінгвістика, прикладна когнітивна лінгвістика, дискурсивний аналіз, лінгвістична криміналістика.

N. V. Bardina

DISCOURSE ANALYSIS IN LINGUISTIC CRIMINALITY EXAMINATIONS

The article is devoted to optimization of the investigations in the linguistic criminology. The author offers original system of linguistic criminality examinations which includes diversified anthropological discourse analysis.

Keywords: anthropological linguistics, discourse analysis, applicable cognitive linguistics, linguistic criminalistics.